

# СЛУЖБА ПОЭЗИИ

Памяти С. С. Наровчатова.

Прощай... Мы встретимся  
с тобою.

Прости. Сегодня твой  
черед...

Ты жизнь прошел  
от боя к бою,  
из дальней дали пушка  
бьет...

Он дважды уходил на войну... Что такое уходить на вторую войну — это я знаю не из книг. Уже умудренный суровым жизненным опытом, на склоне лет он написал великое стихотворение — «О главном», сразу же ставшее хрестоматийным. В нем все выверено и просто. Стихотворение окопное, солдатское. Это в нем он свидетельствует.

Что ни главное, ни важнее  
Я не увижу в сотню лет,  
Чем эта мокрая траншея,  
Чем этот серенький  
рассвет...

Под этой правдой подпишется любой фронтовик. Это их правда, в верности которой Наровчатов присягнул еще в стихах о финской войне, свято исповедовал до последнего дня жизни.

Есть такой артиллерийский термин — «бе с п о к о я щ и й огонь». Это когда пушки бьют от случая к случаю, так сказать, для острстки, с закрытых позиций. В порядке напоминания. Но и от такого огня гибнут. Как и от прицельного, как и от огня «по площадям».

Разрыв дальнобойного снаряда сразу же после войны настиг Недогонова, потом — Гудзенко... Потом снаряды стали врываться все плотнее. Последнее десятилетие особенно жестоко своим огнем по площадям... Твардовский. Луконин. Орлов. Симонов. Многие другие — самый цвет, мозг, совесть фронтовой поэзии. Каждый из них удерживал свой рубеж до последнего патрона.

Знал ли Наровчатов, что болен смертельно? Знал. Другой бы поберегся, подстраховался. Но это был бы не поэт! А поэт-солдат из последних сил, но пришел на писательский форум и произнес тихим-тихим, проникающим в сердце голосом вдохновенную речь о традициях Маяковского. Одного послабления только и испросив у аудитории: разрешения говорить сидя...

Страшно подумать: больше ни вы, ни я не увидим, не услышим его. Вступительному слову его на съездской комиссии по поэзии суждено было стать лебединой песней.

В суровую зиму тридцать девятого-сорокового года его лыжный добровольческий батальон действовал чуть левее нашего. Первое знакомство с Наровчатовым — че-

рез рукопожатье Николая Майорова. Первые совместные разговоры о стихах — в семинаре А. Т. Твардовского на первом Всесоюзном совещании молодых писателей. Весной сорок седьмого. А потом наезды в Иваново. Сперва на вечер памяти Николая Майорова, когда мы нарекали одну из улиц города именем павшего на Великой Отечественной войне поэта. Затем поездки в Палех, с которых началась его дружба с народными умельцами. Давние и недавние встречи в столице, в литературных домах творчества. Переброска письмами. Переключки стихами.

Наровчатовский историзм мышления, эрудиция, высокое человеческое достоинство, широкий и просторный талант, стойкость и доброта души, его государственность и партийность покоряли всех. С ним всегда было надежно. Он рано заступил на пост Службы поэзии, с годами взваливая на плечи все новые и новые заботы, до последней минуты оставался верным ее рыцарем.

Еще в сорок шестом он писал:

Поэзия! Когда б на свете  
белом  
Я так бы бредил женщиной  
земной...  
Как беспредельность  
связана с пределом,  
Так ты, наверно,  
связана со мной...

Жизнь и время подтвердили, что любовь была взаимной. И поэзия Наровчатова не наверно, а навечно останется и с нами, и с теми, кто будет после нас.

Помнится, в одном из коктейбельских августов он впервые читал свой «Вечерний телефон». Стихи о том, что поэт — вечный должник, что он обязан спешить, что ему некогда разводить телефонные тары-бары. Стихи завершались завещательной строфой, в которой

Трубка подпрыгивает,  
звеня,  
И снова я повторяю:  
— Придется вам обойтись  
без меня,  
Завтра я умираю...

После этих стихов ему было отпущено еще четырнадцать лет. Но предчувствие состоялось: он умер как раз в тех местах, где приплы к нему эти строки, — у Черного моря, на свидание с которым он не мог не приехать так же, как не прийти на съезд.

А может, рассчитал траекторию? Кто знает. Главное в том, что все, кажется, со-служено...

Но глядь,  
Мы после смерти тоже  
службу служим.  
Владимир ЖУКОВ.

30 июля 1981

РАБОЧИЙ МАТЕРИАЛ  
С. ИВАНОВО